

Джонатан Троппер
Как общаться с вдовцом

Jonathan Tropper
How to Talk to a Widower

Джонатан Троппер

Как общаться с вдовцом

роман

Перевод с английского
Юлии Полещук

издательство **АСТ**
издательство **АСТРЕЛЬ**

Москва

УДК 821.111 (73) -31

ББК 84 (7Coe) -44

Т74

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Троппер, Джонатан

Т74 Как общаться с вдовцом/ДЖОНАТАН ТРОППЕР; пер. с англ. Ю. ПОЛЕЩУК. — Москва: АСТ: Астрель: CORPUS, 2013. — 448 с.

ISBN: 978-5-271-45961-0 (ООО “Издательство Астрель”)

ISBN: 978-5-17-077579-8 (ООО “Издательство АСТ”)

Джонатан Троппер умеет рассказать о грустном искренне, но не сентиментально, с юмором, но без издевки. Роман “Как общаться с вдовцом” — история молодого человека, который переживает смерть погибшей в авиакатастрофе жены, воспитывает ее сына-подростка, помогает беременной сестре, мирится с женихом другой сестры, пытается привыкнуть к тому, что отец впал в старческий маразм, а еще понимает, что настала пора ему самому выбраться из скорлупы скорби и начать новую жизнь — и эта задача оказывается самой трудной. На этом пути его ждут и ошибки, и сложности, и откровения.

УДК 821.111 (73) -31

ББК 84 (7Coe) -44

ISBN: 978-5-271-45961-0 (ООО “Издательство Астрель”)

ISBN: 978-5-17-077579-8 (ООО “Издательство АСТ”)

© Jonathan Tropper, 2007

© Ю. Полещук, перевод на русский язык, 2012

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012

© ООО “Издательство Астрель”, 2012

Издательство CORPUS ®

*Алексе Роуз — той, что коротает
со мной часы до рассвета
С любовью*

Благодарности

Сочинительство — ремесло одиночек, поэтому я хочу поблагодарить всех, кто так или иначе составлял мне компанию.

Разумеется, Лиззи — за то, что она для меня значит, и за все, что она для меня делает; Спенсера и Эмму, моих любимых сорванцов; родителей — за постоянную поддержку... Саймона Липскара, который работает со мной и помогает мне зарабатывать, и всех добрых людей из литературного агентства *Writers House*... Кэсси Ивашевски, моего ангела-хранителя в городе падших ангелов, и всех сотрудников компании *Brillstein-Grey*... Неугомонного и неудержимого Фила Раскинда и всех его соратников из *Endeavor*... Проницательную и щедрую на похвалы Даниель Перес, Ниту Таублиб, Эрвина Эпплбаума, Патрисию Баллантайн и всех сотрудников издательства *Bantam Dell*... Уэнди, Марка и Тоби... Сару и Джона... Значительная часть этой книги была написана в библиотеке Манхэттенвилль-

ского колледжа, поэтому огромное спасибо Джеффу Бенсу за то, что он предоставил мне такое сказочное место, где я мог писать и преподавать... Также хочу поблагодарить Марка Моллера за то, что он нашел время поделиться со мной бесценным опытом... Доктора Хэла Клесттика и доктора Эйба Шрайбера за то, что помогли соблюсти точность во всем, что касается медицинских подробностей... Майю Николич и Мэтта Каселли за то, что книга вышла за границей... Джона Вуда, Женевьеву Пегг, Тимоти Сондерхаскена, Мартину Кёлемайер, Елизавету Мильявада... Давида Адельсберга из *Softsphinx* за дизайн моего сайта... Моих друзей и родных из Коды... Спасибо всем клубам книголюбов, приглашавшим меня на встречи, и читателям, которые все эти годы присылали мне письма. Надеюсь, этот роман вам тоже понравится.

При работе над этой книгой ни одно животное не пострадало.

Глава 1

Расс крепко под кайфом. Это видно по белкам его глаз: в неверном желтом свете фонаря кажется, что они подернуты красной пеленой. Это заметно по его черным расширенным зрачкам, полуприкрытым тяжелыми веками, по тому, как небрежно Расс навалился на раздраженного копа, подпирающего мальчишку плечом, словно они собутыльники, которые, пошатываясь, выбрались на ночную улицу из очередного кабака. Перевалило за полночь, и когда в дверь позвонили, я, как всегда пьяный вдрызг, дремал на диване, мучительно пытаюсь выбросить из головы воспоминания — выхватить, не глядя, чиркать, как спичками, то одним, то другим и сонно себя поджечь.

— Что случилось? — интересуюсь я.

— Он сцепился с другими ребятами в “Сэвен-Илевен”¹, — отвечает коп, придерживая Расса за плечо.

Я замечаю ссадины и синяки на лице Расса и красную серповидную царапину на горле. Его черная футболка безнадежно растянута и порвана на шее, из уха вырвали серьгу, и оно кровоточит.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Расса.

— Пошел ты к черту, Дуг.

Мы виделись не так давно, и с тех пор у него на лице появилась растительность — клочок коротких жестких волос под нижней губой.

— Так вы ему не отец? — спрашивает коп.

— Не отец.

Я тру кулаками глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Виски пропел мне прощальную колыбельную, и в разлетевшейся на осколки тишине кажется, что все это происходит словно под водой.

— Он сказал, что вы его отец.

— Он, типа, отказался от меня, — с горечью произносит Расс.

— Я его отчим, — поясняю я. — Точнее, был...

— Был... — коп выговаривает это так, словно попробовал тухлой тайской еды, и сверлит меня взгля-

¹ Круглосуточные магазины сети *Seven-Eleven* называются так, потому что раньше работали с 7 до 23 часов. — *Здесь и далее прим. пер.*

дом. Он высокий и крупный — а иначе ему и не удалось бы удержать плотного и широкоплечего Расс, который к тому же к своим шестнадцати годам вымахал под два метра. — Выглядите молодо — как его брат.

— Я был женат на его матери, — признаюсь я.

— И где она?

— Ее нет.

— Он имеет в виду, что она умерла, — презрительно поясняет Расс. Поднимает ладонь и опускает самолетиком по наклонной, при этом Расс свистит, а потом шипит сквозь зубы, имитируя взрыв. — Ба-бах!

— Заткнись, Расс.

— А ты заставь меня, Дуг.

Толстые пальцы полицейского крепче сжимают руку Расс.

— Спокойно, сынок.

— Я вам не сынок, — огрызается Расс, тщетно пытаясь вырваться из железных рук копа. — Я никому не сынок.

Коп легонько прижимает его к дверному косяку, чтобы Расс не размахивал руками, и поворачивается ко мне.

— А его отец?

— Не знаю, — я оборачиваюсь к Рассу. — Где Джим?

Расс пожимает плечами.

- Уехал во Флориду на несколько дней.
- А Энджи?
- С ним.
- Тебя оставили одного?
- Всего на две ночи. Они завтра возвращаются.
- Энджи? — спрашивает коп.
- Жена его отца.

Полицейский выглядит раздраженным, словно у него от нас уже голова раскалывается. Я хочу все ему объяснить, доказать, что все не так хреново, как кажется, но вспоминаю, что это неправда.

— Так парень здесь не живет?

— Жил раньше, — отвечаю я. — Это дом его матери.

— Послушайте, — устало произносит коп. Он мужчина средних лет, с седеющей гусеницей усов и утомленными глазами. — Что бы он там ни курил, у него я ничего не нашел. Моя смена вот-вот кончится, и мне совсем не хочется тратить еще час, оформлять парня за глупую драку на стоянке. У меня самого трое сыновей. Сейчас-то он храбрится, крутого из себя корчит, но в патрульной машине плакал и просил отвезти его сюда. Так-то. Я могу забрать парня в участок и записать на него пару-другую правонарушений. Или же вы впустите его в дом и пообещаете мне, что больше это не повторится.

Расс угрюмо таращится на меня, словно это я во всем виноват.

— Больше это не повторится, — обещаю я.

— Вот и ладно.

Коп отпускает Расса, который резко отдергивает руку, бросается в дом и взбегает по лестнице в свою комнату, посмотрев на меня с нескрываемой ненавистью, пронзившей жирный бок моего пьяного ступора, словно гарпун.

— Спасибо вам, констебль, — благодарю я копа. — Он вообще-то хороший парень. Просто у него выдался трудный год.

— Так-то оно так, — произносит коп и задумчиво трет подбородок. — Но он уже не в первый раз попадается.

— За что?

Коп пожимает плечами.

— Да как обычно. В основном за драку. Ну, мелкое хулиганство. Да и с травкой он явно знаком не понаслышке. Бедолага пошел по дурной дорожке. Я не знаю всю вашу подноготную, но кто-то должен повлиять на него, поговорить с ним и, может быть, отвести к психологу.

— Я скажу его отцу, — обещаю я.

— В следующий раз на парня будет заведено дело.

— Понимаю. Еще раз спасибо.

Напоследок офицер скептически смотрит на меня, и я вижу себя его глазами — растрепанного, неопрятного, небритого, полупьяного, опухшего. Его скептицизм можно понять.

— Примите мои соболезнования. Гибель вашей жены — это большое горе, — говорит он.

— Да, — отвечаю я, закрывая за ним дверь. — Это большое горе для всех нас.

Наверху Расс забрался под одеяло в темноте комнаты, где когда-то жил. Здесь все осталось таким же, как при нем: ни в этой, ни в других комнатах за год, что прошел со смерти Хейли, я ничего не трогал. Дом похож на стоп-кадр из прошлой жизни, сделанный за секунду до того, как все пошло прахом. Я стою в коридоре, в спину мне бьет свет, моя тень падает на складки и изгибы одеяла Расса, а я пытаюсь придумать, что сказать этому странному, сердитому парню, к которому вроде как должен испытывать родственные чувства.

— Я слышу, как ты дышишь, — говорит Расс, не отрывая лица от подушки.

— Извини, — отвечаю я и вхожу в комнату. — Так из-за чего ты подрался?

— Ни из-за чего. Эти уроды просто начали залупаться.

— Они из твоей школы?

— Нет, парни были взрослые.

— Думаю, под кайфом драться трудновато.

— Ага.

Он переворачивается на спину, поднимает голову и ухмыляется.

— Ты что, всерьез полагаешь, что обязан прочитать мне лекцию о вреде наркотиков, капитан Джек¹?

Я вздыхаю.

— Вот и я так не думаю, — произносит Расс, перекатывается обратно на подушку и ложится лицом на руки. — Послушай, у меня была чертовски долгая и трудная ночь, поэтому, если ты не против...

— Я тоже ее потерял, Расс, — говорю я.

До меня доносится странный звук — непонятно, то ли Расс насмешливо фыркнул, то ли глухо всхлипнул.

— Закрой дверь с той стороны, — шепчет он.

Ты не знаешь, когда тебе суждено умереть, но, быть может, какая-то часть тебя на клеточном уровне осознает, что пошел обратный отсчет, и строит планы, потому что в последнюю свою ночь Хейли облачилась в кроваво-красное обтягивающее платье с глубоким декольте, чем несказанно меня удивила. Она как будто знала, что должно случиться, понимала, что это наша с ней последняя ночь, и была полна решимости не превратиться в блеклое воспоминание.

Я не мог оторвать от нее глаз, взгляд дольше обычного задерживался на знакомых изгибах

¹ *Капитан Джек* — популярный герой комиксов и фильмов; кроме того, это сленговое название виски “Джек Дэниелс”, а также героина.

и очертаниях ее тела, все еще стройного и сильного, несмотря на рождение ребенка и почти сорок прожитых лет. Я разглядывал мягкие ямочки над обнаженными ключицами, ее шелковистую белую кожу и хотел Хейли так, как редко хочешь женщину, с которой спишь вот уже три года. Я поймал себя на том, что обдумываю, как нам лучше улизнуть из-за стола и по-быстрому перепихнуться в туалете. Представил себе, как мы с Хейли хихикаем над собственной смелостью в перерыве между жадными поцелуями в тесной кабинке. Я прижимаю Хейли к стене, задрав до талии подол ее красного платья; она обвивает меня стройными голыми ногами, и я вхожу в нее. Вот что бывает, когда долго живешь один и смотришь фильмы по лучшим кабельным каналам.

От этих фантазий я ощутил некоторое неудобство в скрытой под столом части тела, но, даже несмотря на это, знал, что ничего не получится. Во-первых, нам обоим никак не удалось бы незаметно улизнуть. Во-вторых, мне было двадцать восемь, Хейли — почти сорок, и хотя мне нравилось думать, что в нашей сексуальной жизни все хорошо — ну, почти наверняка, — перепих в общественных туалетах все-таки уже вышел из нашего репертуара. Впрочем, он никогда в него и не входил, потому как я боюсь подцепить какую-нибудь гадость и вряд ли смогу кончить, зная, что вокруг кишмя кишат бактерии.

По дороге домой моя рука скользила по гладкой кремовой коже обнаженного бедра Хейли, забираясь все выше и выше, и когда мы заехали в гараж, Хейли уже вовсю орудовала у меня в трусах. В темноте я задрал ей платье, наклонил ее на капот, еще горячий и слегка вибрирующий, и вскоре мы тоже распалились и задрожали. Мы снова выглядели подростками — разве что теперь все умели, да и машина была наша.

Должно быть, мы светились, словно за нами тянулся шлейф волшебной пылицы: когда мы спустя некоторое время вошли в дом, Расс остановил видеоигру, насмешливо посмотрел на нас, покачал головой и посоветовал снять комнату.

— Незачем, — ответила Хейли, схватила меня за руку и потащила по ступенькам вверх. — Комната у нас есть.

— Какая пошлость! — скривился Расс. Объявив нам свой приговор, он вернулся к игре и продолжил равнодушно истреблять недобитков на экране. А мы с Хейли пошли вверх, чтобы нарушить заповеди Господни и законы штата Нью-Йорк, и с новыми силами принялись за дело. В страстном исступлении мы целовали, лизали, пили и пожирали друг друга. Слово это был наш последний день на земле.

Мы были женаты менее двух лет. Я переехал из Нью-Йорка к Хейли и Рассу. В этом особнячке, выстро-

енном в колониальном стиле, Хейли жила со своим первым мужем, Джимом, пока не обнаружила, что он ей изменяет, и не вышвырнула его. Я никак не мог привыкнуть к перемене — к тому, что я теперь не развеселый городской холостяк, но чей-то муж, обыватель из пригорода, отчим угрюмого подростка, самого младшего члена софтбольной команды “Храм Израилев”, привыкнуть к званым обедам, барбекю во дворе и школьным спектаклям. Я так и не успел освоиться, когда Хейли полетела в Калифорнию на встречу с клиентом и где-то над Колорадо пилот ухитрился промазать мимо неба. Иногда та наша новая жизнь, которая только-только начиналась, кажется призрачной мечтой, и мне снова и снова приходится убеждать себя, что все это было на самом деле. *“У меня была жена, — повторяю я себе. — Ее звали Хейли. Ее больше нет. Как и меня”.*

Но не будем об этом, потому что если я заговорю, то начну об этом думать, а за последний год я передумал все множество раз. Какой-то частью мозга я продолжаю размышлять о случившемся и о ней — целый научно-исследовательский отдел, который только и занимается поиском новых методов скорби, печали и жалости к себе. И уж поверьте, эти ребята не даром хлеб едят. Ну и пусть.

Глава 2

Практически каждый день на нашей лужайке резвятся кролики. Бурые зверьки с серыми пятнышками на спине и похожими на клочки ваты пучками белой шерсти на заднице. Или, точнее, почти каждое утро у *меня* на лужайке резвятся кролики. Потому что теперь нет *нас*, вот уже год как нет. Иногда я забываю об этом, что странно — ведь обычно я ни о чем другом не могу думать. Это мой дом. Моя лужайка. Мои, черт подери, кролики.

Наверное, кролики на лужайке — это прекрасно. Отличная реклама и неопровержимое доказательство того, что вы выбрались из городского смога на разреженный деревенский воздух захолустного Вестчестера. Неважно, что одних наших минивэнов и внедорожников хватит, чтобы растопить полярные льды. Что с того, что мы оборудуем свои вели-

чественные особняки, построенные восемьдесят лет назад, километрами оптоволоконного кабеля, которого хватило бы, чтобы задушить целую планету. Наплевать, что “Хоум Депо”, “Уол-Марты”, “Стоп & Шопы” и многочисленные торговые центры растут как грибы на каждом лугу. Но у нас на лужайках, черт подери, резвятся кролики, как в диснеевском мультфильме, поэтому дело закрыто. Мы живем в гармонии с природой.

Нью-Рэдфорд в точности таков, каким и должен быть пригород, где обитает верхушка среднего класса. Здесь все так же, как описано во множестве романов и показано во множестве фильмов. Исторические кирпичные особняки 1930-х годов, построенные в колониальном и позднего-го-тическом стиле, — пристанища быстро растущих семейств и распадающихся браков; немецкие автомобили класса “люкс”, припаркованные на дорожках у дома, словно на рекламном объявлении в журнале; на стоянках со скучающим выражением на лицах кучкуются дети в одежде тусклых цветов от “Аберкромби & Фитч”; по утрам пассажиры набиваются, словно скот, в вагоны пригородных поездов “Метро-Норт” до Манхэттена; пейзаж испещрен минивэнами; в глазах рябит от кризиса среднего возраста. По утрам в каждом квартале появляются толпы иммигрантов на скрипучих пикапах с деревянными стенками, которые

скрывают от посторонних взглядов лежбища владельцев. Иммигранты стригут лужайки, выращивают цветы, ухаживают за высокими живыми изгородями.

Несомненно, именно эти роскошные газоны повинны в том, что популяция кроликов растет. Время от времени я замечаю, как очередной зверек появляется из-за изгороди и стремглав проносится по лужайке. Обычно же кролики сидят посреди двора, неподвижные, словно статуи; их маленькие ноздри едва заметно подрагивают, как будто зверьки подключены к проходящей под лужайкой сети слабого тока. Самое время запустить в них чем-нибудь.

Багз, Тампер, Роджер, Питер, Вельветовый Кролик. Я назвал их в честь кроликов мультиков и сказок и изо всех сил пытаюсь размножить им головы: они напоминают мне о том, что я нахожусь на необитаемом острове жизни, вести которую никогда не планировал. Я злюсь на Хейли, потом огорчаюсь, что разозлился на нее, потом злюсь на свою грусть, и в конце концов моя жалость к себе, не в силах упустить такой случай, включается, словно газотурбинный двигатель, и так до бесконечности — безнадежный цикл стирки, в котором полощется мое грязное белье, не становясь чище. Так что я бросаю в кроликов чем ни попадя. В основном камешками — на крыльце у меня хранится целый запас, похожий

на надгробие на могиле ковбоя в пустыне, — хотя в крайнем случае я швыряю в них тем, что найдется под рукой, будь то банка пива или какой-нибудь садовый инструмент. Как-то я запустил в них бутылкой из-под “Бушмилса”: она воткнулась горлышком в траву и простояла так несколько дней, словно саженец дерева виски.

Да ладно вам. Я пока что ни разу не попал ни в одну из этих мелких тварей. И им это прекрасно известно: когда мои снаряды падают на лужайку в метре перед ними или позади них, кролики даже не шелохнутся. Они ухом не ведут — только пялятся на меня, дразнят меня, смеются надо мной, и в их кроличьих глазах-бусинках читается неодобрение. *И это все, на что ты способен? Ну, чувак, моя бабушка бросает сильнее.*

Кролик-“энерджайзер” из рекламы батареек, Кролик из “Плейбоя”, Пасхальный Кролик, Харви, Кролик по кличке “Глупые-Фокусы-с-Кроликом-для-Детей”, Белый-Кролик-с-Карманными-Часами из “Алисы в Стране Чудес”. Я сижу на крыльце с камнем в руке и целюсь в кролика, который скачет по подъездной дорожке, и тут звонит мобильник. Это мама. Она хочет уточнить, приду ли я на семейный ужин в честь грядущей свадьбы моей младшей сестры Дебби.

— Ты придешь на ужин, — заявляет мама.

Ничто в мире не заставит меня прийти на этот чертов ужин.

— Не знаю, — отвечаю я.

Кролик нерешительно прыгает ко мне. Харви. Я прицеливаюсь и швыряю в него камень, который пролетает выше, чем нужно, и мимо цели, Харви даже не достаивает его взглядом.

— А что тут знать? Разве ты чем-то занят?

— Мне не очень хочется праздновать.

Дебби выходит замуж за Майка Сендлмена, моего бывшего друга. Ей посчастливилось встретить его у меня дома, когда я сидел шиву¹, хотя и не собирался этого делать. Я никогда не был религиозен. Бен Смиленски, который учился со мной в школе иврита “Бет-Тора”, приносил на уроки комиксы про Бэтмена; мы прятали их между страницами своих азбук “Алеф-Бет”, и во многом для меня это стало началом конца. Нелепо было бы ударяться в религию именно сейчас, когда Господь наконец-то раскрыл карты и доказал, что на самом деле Его не существует. Я знаю это. Я был там, я стоял рядом с Рассом на кладбище и смотрел, словно с высоты нескольких тысяч метров, как гроб Хейли на двух ремнях опускают в могилу. И даже сверху я слышал, как он поскрипывает, задевая каменистые стенки свежей могилы, слышал глухой стук кремнистых комьев земли о су-

1 В иудаизме шива — семидневный траур по усопшему родственнику.

хое дуплистое дерево, когда стали закапывать гроб. Она была под землей. Моя Хейли лежала под землей, в зияющей ране могилы на кладбище “Эмуна”¹, расположенном за водохранилищем, почти в километре от бульвара Спрейн-Брук, куда мы частенько приезжали осенью полюбоваться разноцветными листьями. Хейли в шутку называла листву “блествой”, и это словечко вошло в наш семейный словарь. А теперь она лежала под землей, и я знал, что всегда буду мысленно называть листву “блествой”, и осенью мне всегда будет больно, и, возможно, мне стоит переехать на запад, куда-нибудь, где времена года сменяются не так резко.

Так что не говорите со мной о Боге.

Но Клэр, моя сестра-близнец, настаивала, что шива необходима для Расса, и что я могу не верить в Бога, но я верю в возмездие, и что с загробным миром шутки плохи, даже если после смерти ничего и нет. Поэтому мы сидели шиву. Как я и думал, вышло прескверно: торчишь целый день с Рассом, задница потеет от пластикового сиденья низких стульев, которые нам одолжило Еврейское похоронное общество, киваешь и морщишься от бесконечной процессии ротозеев, проходящих через нашу гостиную; восседающие на шатких стульях друзья, соседи и род-

1 Вера (*иврит*).

ственники неуклюже пытаются завязать разговор, а потом идут в столовую, чтобы стянуть что-нибудь со стола. Да, был накрыт стол: бейглы, копченая лососина, салаты, вареная семга, киш, клейкие венгерские ватрушки — все от друзей Хейли из “Храма Израилева”. Скорбь, как и все остальное, можно обслуживать.

А еще там была моя младшая сестра Дебби, для которой шива все равно что вечеринка в баре в Сохо. Она разоделась в пух и прах: на ней была короткая юбка, а лифчик так подпирал ее среднего размера груди, что они торчали над горизонтом V-образного выреза ее свитера, словно два восходящих солнца. Сиськи младшей сестры не самое интересное зрелище даже в лучшие времена, но было особенно мерзко глядеть на то, как она растопырила их во все стороны, словно выставила напоказ в моем пристанище скорби оружие в полной боеготовности. И так получилось, что они с моим приятелем Майком занялись сексом в кабинете, поэтому вы уж простите, что я не схожу с ума от радости за них. Если бы Хейли не умерла, они бы никогда не встретились. Их счастливое совместное будущее, свадьба, дети — все это следствие гибели Хейли, и хотя умом я понимаю, что Дебби и Майк не причастны к ее смерти, но все-таки они пожидают плоды. А на чужом несчастье счастья не построишь.

— Это не праздник, — говорит мать. — Это просто вечер в кругу семьи.

— Ага, — отвечаю я, не отрывая взгляда от Харви. — Этого мне тоже не очень хочется.

— Жестоко так говорить со своей матерью.

— Вот поэтому я сначала и сказал про праздник.

— Ха, — произносит мать. Она из тех людей, которые, вместо того чтобы смеяться, говорят “ха”, словно персонажи комикса.

— Если ты в состоянии хитрить, значит, в силах прийти на ужин.

Такова логика моей матушки.

— Не думаю.

Она вздыхает, и по тому, как она это делает, я представляю себе висящее над ее головой плохо пропечатавшееся слово “вздых” в пузыре, как в комиксах.

— Дуг, — произносит она. — Ты не можешь скорбеть вечно.

— Кто знает. Может, у меня и получится.

— Ох, Дуг. Прошел уже год. Тебе не кажется, что пора бы перестать?

— Ты права, мам. Прошел всего лишь год.

— Но ты совсем не выходишь из дома.

— Мне здесь нравится.

Людам вроде моей матери не объяснишь, что такое жалость к себе. Это либо есть, либо нет. У всех по-разному. Мать, например, пьет таблет-

ки, такие маленькие желтенькие пилюльки, она перекладывает их в облезлый пузырек из-под эдвила¹ и всегда носит его с собой в сумке. Я не знаю, что это за таблетки, а мать ни за что не признается, потому что для нее лечение сродни инцесту — семейная тайна за семью печатями, которую нужно хранить любой ценой, чтобы не узнали соседи. Клэр прозвала эти пилюли “вилами”, потому что слог “эд” от частого употребления давным-давно стерся с этикетки. Бывало, мы с Клэр таскали “вилы” из маминой сумочки и запивали их вином, чтобы словить кайф. Если мать когда и замечала, что таблетки кончились, она никогда ничего не говорила. Отец сам выписывал рецепты (тогда он еще мог это делать), и у матери был неограниченный запас пилюль.

— С тобой невозможно разговаривать, когда ты так себя ведешь, — заявляет мать.

— И все-таки ты разговариваешь.

— Ты меня поймал. Что ж, суди меня.

— Согласен на запрет в судебном порядке.

— Ха-ха. На земле нет власти выше материнской любви.

— Как там папа?

— Слава богу, на редкость хорошо.

— Ну и прекрасно.

1 Одно из названий ибупрофена.

— Как поживает Расселл?

— У него все нормально. Я его не видел несколько дней.

Ни разу с тех пор, как копы привели его ко мне под кайфом, в крови и злого как черт.

— Бедный мальчик. Если хочешь, возьми его с собой.

— Взять его с собой куда?

— На ужин. О чем мы, по-твоему, говорим?

— Я думал, мы забыли об этом.

— Это тебе давно пора кое о чем забыть.

— Ага. Вот так возьму и прямо сейчас обо всем позабуду. Пока, мам.

— Если ты не придешь, Дебби очень огорчится.

— Ну, я думаю, Дебби это как-нибудь переживет.

У матери хватает ума не трогать эту тему.

— Просто обещай мне, что подумаешь.

— Это было бы ложью.

— И с каких это пор ты разучился врать своей матери?

Я вздыхаю.

— Я подумаю.

— Это все, о чем я прошу, — врет она в ответ.

Мать еще что-то говорит, но я ее уже не слышу: я только что запустил своим мобильным в Харви, который наконец-то выскочил из-под огромного тенистого ясеня. Я промахиваюсь, и вместо кроли-

ка попадаю в дерево; от удара телефон рассыпается на мелкие кусочки, и обломки разлетаются по лужайке. Кролик смотрит на меня так, словно я последняя сволочь. А мать, наверное, до сих пор говорит, хотя ее никто не слышит.